



Культурология

УДК 141.3

Ю.Г. Полетаева

Полетаева Юлия Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета (Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42), e-mail: jpkamch@gmail.com

РОССИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИДЕИ ВИЗАНТИЙСТВА

Утверждается актуальность вопроса о смысле существования России во всемирной истории. Запад для отечественной истории и культуры являлся лейтмотивом самосознания, в котором Россия пытается увидеть собственные истоки. Утверждается, что поиск национальной идентичности совершается на путях определения через посредство отталкивания от Запада, от своего «западного» происхождения, но одновременно и как отрицание его. Особенности данного отношения закладываются в идеи византийства, привнесенную в культурно-историческое пространство в XIV столетии. Византийство существенным образом переосмысливается в российском контексте, которое приводит как к закреплению идеи абсолютизации государственной власти, так и к активному диалогу и взаимодействию с Западом, ориентации на западные формы культуры.

Ключевые слова: национальная идентификация, культура, история, византийство, государственность, культурный диалог.

Yu.G. Poletaeva

Poletaeva Yuliya Gennadyevna, candidate of philosophy, associate professor of department of philosophy of the Ural State Agrarian University (42, Karl Liebknekhta st., Yekaterinburg), e-mail: jpkamch@gmail.com

RUSSIA BETWEEN EAST AND WEST: CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT OF THE BYZANTINE IDEA

The urgency of the question of the meaning of Russia's existence in world history is affirmed. For Russian history and culture the West has been a leitmotif of self-awareness, in which Russia is trying to see its own origins. It is argued that the search for national identity is carried out on the path of determination through repulsion from the West, from its "Western" origin, but at the same time as a negation of it. The peculiarities of this attitude are laid down in the ideas of Byzantineism, introduced into the cultural and historical space in the XIV century. Byzantineism is essentially rethought in the Russian context, which leads both to the consolidation of the idea of absolutizing state power, and to an active dialogue and interaction with the West, an orientation towards Western forms of culture.

Keywords: national identity, culture, history, Byzantineism, statehood, cultural dialogue.

На переломе национальная культура всегда испытывает необходимость в рефлексии над лежавшей в ее основании традиции в поиске национальной идентификации. Вот уже не одно столетие актуален вопрос о смысле существования России во всемирной истории. В современной ситуации тема отношения России к Западу особенно актуальна, поскольку решение проблемы национальной идентификации предполагает необходимость диалога культур Запада и России. Запад для отечественной истории и культуры являлся тем зеркальным отражением, в котором Россия пытается

увидеть собственные истоки. Возрождение и дальнейшее становление России как самостоятельного национального государства в свою очередь предполагает анализ ее места в сложной культурной ситуации современного мира. Наряду с этим мы сталкиваемся с нарастающей проблемой неустанного становления национально-культурной традиции в России. Начиная с распада СССР, остающийся актуальным до сих пор вопрос национальной идентификации предполагает в первую очередь исследование духовной жизни России, связи современного российского менталитета с предшествовавшей системой духовных ценностей, систематическим образом выражавшейся в этической доктрине «служения Отечеству», зародившейся в эпоху Петровских реформ и имевшей предпосылки в культуре Московского Царства.

Что называется Россией? В географическом плане она есть пространство, соединяющее Запад и Восток, на котором разворачиваются закономерности исторического процесса. Пространство Западной Европы, как и в гегелевской философии истории, сохраняет значение смыслового эпицентра Всемирной истории. На всем протяжении своей истории Россия пытается доказать свое родство с Западом и единство происхождения. При этом следует отметить, что поиск национальной идентичности совершается на путях определения не через себя, но через свое иное, через посредство отталкивания от Запада, своего внутреннего родства с ним, но одновременно и как отрицание его. Источником такого отталкивания является идея, согласно которой западный дух впал в схизму (раскол) и отторгнул Россию, носительницу истинного православного христианства.

Сомнение русских в «истинности» христианства, культуры и цивилизации Запада своими истоками уходит в культуру Московского периода. Появление нового государства в момент гибели мировой державы отозвалось в Московской Руси формированием нового менталитета. Это означало победу византийства (восточного духа) и определило новые условия возвращения России в круг европейских держав. В этой связи

необходимо отметить, что специфические культурные черты, перенесенные с Востока, сыграли для России важную роль. Так, ориентация на византийство включало осознание самобытности и уверенности в собственных творческих силах, порождающее в коллективном сознании чувство превосходства над другими культурами. При этом общей тенденцией исторического развития России становится, по мнению Д.С. Лихачева, собственный, уникальный выбор того или иного культурно-национального партнера. Совершенный в конце XV в. выбор итальянского варианта культурной ориентации привел к конфликту иосифлян и жидовствующих, выбор австрийских Габсбургов в середине XVIII в. – к борьбе никонианских «обновленцев» и «староверов» [1]. Иными словами, тема конфессионально-культурной обособленности России порождает прогрессивное по своему духу представление о неоднозначности и уникальности оценки той или иной эпохи русской истории.

Следует рассмотреть некоторые отличительные особенности вышеуказанной византийской ориентации отечественной культуры: особый тип государственности, который сформировался в Восточной Римской империи. В его основе лежала идея государственности, характерной чертой которой становится автократическая форма правления и захват больших территорий в Европе и Средиземноморском регионе, во главе которой стоял царь, обладающий самодержавной властью. С неограниченным характером власти царя формируются новые представления о всемирно-историческом значении России. Согласно утверждению В.Е. Вальденберга, единство и целостность России не только как особого типа государственности, но и как особого пространства культуры связывается не с историческими событиями Московского княжества, а с Византией и, «соответственно этому, устанавливают ее (России) значение во всемирной истории» [2, с. 218]. Иными словами, формируется новая историческая теория, согласно которой идея последнего христианского царства связывается со всей Россией как наследницей «мирового владычества».

Привнесение идей Византийской государственности привело к кардинальной смене парадигмы правления в Северо-Восточной Руси, сложившейся еще в Киевский период истории. Вече как форма организации управления социумом теряет значение, на смену ей приходят этактистские формы управления, сформировавшие специфические представления о власти, воплотившиеся в теократической концепции «Москва – Третий Рим». Данная идея, олицетворяющая собой Византийскую культурную модель реализации власти, посредством которой, как утверждает Б.А. Успенский: «византийство существенным образом переосмысливается в русском контексте; соответственно, в целом ряде аспектов, ориентация на Византию приводит к принципиально новым формам (неизвестным ранее ни Руси, ни Византии): как это часто бывает, субъективная установка на реставрацию фактически приводит к новаторству» [3, с. 13]. Однако в Московский период истории российской государственности складывается одновременно и защитный комплекс так называемого антивизантизма. Суть данного установления заключалась в том, что в русском сознании падение Византийской империи понималось в качестве наказания за отступление от исторической формы истинного православия, за «ересь» католицизма. Другим его проявлением было намеренное противопоставление своеобразия русской культуры какому-либо диалогу с западноевропейской цивилизацией.

При этом необходимо отметить, что в своем основании византийская культура не являлась культурой азиатского типа, она вырастала из античной и раннехристианских культур. Византийскую культурную модель можно было бы противопоставлять Западу, но лишь в качестве Европейского Востока, приравнивая модель византийской государственности к римской деспотии, посредством которой «Римская «Вселенная» окончательно превращается в Византию» [4, с. 245]. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что Восточная и западная части единой Европы являются не двумя разнородными культурными пространствами, а представляют собой два региона одной и той же культуры, которые предполагают как

вероятность их сопоставления и специфического определения, так и их противопоставления. Видимая противоположность России и Запада была также обусловлена обстоятельствами появления Российского государства на общеевропейской политической сцене в XV столетии. Данное политическое и культурное событие обусловило настоятельную объективную необходимость не только трансформации, но и перестройки политических, экономических и культурных отношений в Европе, порождая новый этап в развитии «всемирности» исторического процесса, сделав устойчивой связь Европы (где Россия становится неотъемлемой частью европейского культурно-исторического региона), подготовившего фундамент для культурного диалога Европы с Россией. «Старая» Европа в лице Габсбургской монархии, претендовавшей на феодально-католическую версию всемирной империи, в ответ на это занялась возведением границы, долженствующей замкнуть Россию в ее пределах» [5, с. 407]. Сфера такого взаимодействия русской и западноевропейской культур был неотделим от ее «контекста» – тех идей, в которых получала рефлексивное выражение ментальность, порождаемая культурно-историческими основаниями и условиями диалога.

С течением времени данная ментальность оформилась под именем русской идеи, задавшей специфическую конфигурацию духовно-идеологического пространства, в котором российская сторона искала и находила точку опоры. Русская идея обеспечивала России внутреннюю самостоятельность и независимость в отношениях с западноевропейской культурой, возможность равноправного существования в рамках единой общеевропейской культуры. Следуя вышесказанному, можно сослаться на мнение отечественного исследователя В.В. Скоробогачко: «С нашей точки зрения, ссылки на «запаздывающий» характер развития русской культуры предшествующего периода (чем будто бы и вызвано ее отставание от европейской культуры в XVIII в) не очень основательны. Во-первых, потому что концепция отставания методологически основывается на предположении, что в допетровской Руси царил темное средневековье и азиатчина – тезис

сам по себе вполне просветительский и сформулированный задним числом, в русле идеологии воинствующего европеизма западнического толка. Во-вторых, реальная история русской культуры допетровского периода свидетельствует о том, что в середине XVII в. русская культура стадильно находилась на уровне общеевропейского развития» [6, с. 132]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что формируется особая логика философско-исторического развития России, согласно которой основной закономерностью русского динамизма является изменение «обычной» последовательности этапов» ее развития.

Европеизация русской культуры связана с реформами Петра I и Екатерины II. При Екатерине родилась легенда о Петре – мудром царе-преобразователе, который прорубил окно в Европу, открыв для России влияние единственно ценной западной культуры и цивилизации. Несмотря на «декоративные» новшества, которые ввел Петр I, следуя голландским культурным стандартам, современники не восприняли его как нарушителя традиции. Петр резко обрушился на «византийство» в русской государственной жизни, поскольку именно этот дух сыграл значительную роль в обособлении России от Запада в московский период. Но это «византийство» в русской государственной жизни начинало отживать свой век уже при первых Романовых, когда резко возросла интенсивность культурных, политических, экономических связей с Западом. По мнению Н.М. Карамзина, непосредственная связь с Западом начинается в период объединения значительной части русских земель вокруг Москвы Иваном III Калитой. «Тишина Иоаннова княжения способствовала обогащению России. Новгород, союзник Ганзы, отправлял в Москву и в другие области работу Немецких фабрик. Восток, Греция, Италия (через Кафу и нынешний Азов) присылали нам свои товары. Уже купцы не боялись в окрестностях Владимира или Ярославля встретиться с шайками Татарских разбойников. Открылись новые способы мены, новые торжища в России» [7, с. 138]. Этому же мнению придерживается Г. Флоровский: «Для многих в конце XV века

Запад представляется уже более реальным, чем разоренная и завоеванная Византия. Часто кажется, что брак Ивана III с Софией Палеолог означал новый подъем Византийского влияния на Москве. А в действительности, напротив, это было началом русского западничества» [8, с. 12].

Данное событие способствовало сближению России с Италией, в которой формируется ренессансная культура. Свидетельством такому факту является русское искусство, в особенности архитектура, развивающаяся в России до эпохи Петровских реформ. Согласно описаниям отечественного историка С. Соловьева, Иван III приглашает архитекторов Северной Италии, владевших прогрессивными для того времени технологиями зодчества, для строительства Московского Кремля [9, с. 257]. В политике Василия III видно подражание итальянским князьям, во времена Ивана Грозного «западничество» живет под знаком «старины». Но Грозный, придерживаясь традиции «старины», устанавливает широкий контакт с представителями западной цивилизации, и как ни странно, именно при Грозном начинается массовое взаимодействие представителей западной культуры с Московским государством. Попытки европеизации не прекращались и во времена Бориса Годунова, польского влияния в период Лжедмитрия. После низложения Шуйского на русский престол избирается католик Владислав, именно в этот период Западная Европа становится реальным соседом (военное и культурное давление Польши; европейские посольства при Московской Руси; английские и скандинавские купеческие гильдии). В России так же, как и на Западе, возникали идеи реформаторского толка. В конце XV – начале XVI века в Москве, наряду с такими церковными течениями, как «нестяжатели» и «иосифляне», появилось третье движение, которое по своему существу являлось антицерковным – это ересь «жидовствующих». Наиболее ярким представителем этого движения был Ф. Косой.

Таким образом, важно понять тот факт, что существующие различия между Западом и Востоком имели историческое значение, но они не стали решающими в своем действительном содержании. Различие

этногеографических условий формирует различие в формах бытования, реализации духовных ценностей восточного христианства в культурных, социальных, экономических и политических институтах этих регионов. По данной причине христианские ценности, воплощаясь в различных этнических и общественных субстратах, обуславливая их преобразование, видоизменялись под их же влиянием. При этом основанием, в котором укоренялся привнесённый в европейское культурное пространство из малоазийского региона христианский дух, являлись не этнические и природные условия, а культурное многообразие, представляющее собой соотношение римской, германской и автохтонных культур, объединяемых под целостным влиянием христианства. Этнические и географические факторы в большей степени оказали свое воздействие на формирование особенностей социальных и политических институтов западных и восточных частей общеевропейского культурного пространства, которое проявлялось в принципиальном различии базовых ориентаций [10, с. 138]. Так, центром западно-европейской социальной жизни были такие административно-территориальные единицы, как коммуна, корпорация, сословие, представляющее собой основу реализации повседневной жизнедеятельности. В восточно-европейской части, особенно в России, общинные формы приобретали характер всеохватывающего целого, способного поработить индивида, подчиняющегося служению «общему делу».

Список используемой литературы:

1. *Скоробогатский В.В.* Безвременье и время философии. – Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2014. – 278 с.
2. *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 365 с.
3. *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 680 с.

4. *Шмеман А.* Исторический путь православия. – М.: Паломник, 1993. – 388 с.
5. *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. – М.: Наука, 1976. – 436 с.
6. *Скоробогачкий В.В.* По ту сторону марксизма. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. – 272 с.
7. *Карамзин Н.М.* История государства российского: XII томов в 4-х книгах. Книга 2. – Т. V–VII. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 1997. – 736 с.
8. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.
9. *Соловьев С.* Древнерусские князья. – М.: Наука, 2010. – 404 с.
10. *Полетаева Ю.Г.* Проблема начала истории: роль социальных систем в становлении цивилизации // Аспирантский вестник Поволжья. – 2016. – № 3–4. – С. 137–141.